

„Тартюф“ в „Комеди франсез“

Любознательный путешественник, приезжающий в Париж не только для развлечения и веселого препровождения времени, а для того, чтобы понять дух французского народа, познакомиться с сокровищами его культуры, направляется в Луврский и Люксембургский музеи, в Национальную библиотеку и, разумеется, в театр «Comédie Française» — Французскую комедию.

Здесь, в стенах театра, звучит богатый, музыкальный, искрящийся французский язык, здесь бережно сохраняются заветы талантливейших актеров и актрис, здесь высокая трагедия Корнеля и Расина — трагедия мужества, силы и благородства живет рядом со сверкающей мудрым народным юмором и весельем обличительной комедией Мольера.

Скоро исполнится 275 лет существования театра Французской комедии — это почти три века, наполненные событиями огромного значения. Сын «придворного обойщика» Жан Батист Поклен, принявший на сцене имя Мольер, создал театр, который достоин уважения наших современников, на каком бы языке они ни говорили. Мольер прожил всего 51 год, с 1622 по 1673 год, он был поистине душой «Дома Мольера» — актером, режиссером, а главное, создателем бесмертного репертуара не только для Французской комедии, но и для театров всего мира. Белинский писал о неистощимой живости и остроте французского ума у Мольера, о том, что он подметил и верно схватил многие черты своего времени. Обличительная сила комедий Мольера не утратила своей остроты и силы и в наше время.

Сатира Мольера оказалась бессмертной потому, что она близка народу, понятна ему и за пределами Франции.

Начиная с 1739 года, в Москве, в России все чаще ставят Мольера: русский зритель увидел на сцене «Смешных жеманниц», «Искария поневоле», «Амфитриона». Не только сами по себе творения Мольера привлекали внимание русских актеров. Приезд в Россию знаменитых актрис театра «Comédie Française» Жюльетт Рашель был событием для передовых людей русского общества.

Великий актер Щепкин, приехав в Париж, встретился и беседовал с Рашелью, которую почитал великим талантом, считал важным шагом в искусстве ее знаменитую скороговорку. И еще приметил Щепкин, что пьесы простые, явления обыкновенные разыгрываются на французских сценах как нельзя лучше, игру актеров он считал верхом совершенства.

Более сорока лет назад мне довелось в Париже впервые переступить порог театра Французской комедии и увидеть комедии Мольера в его доме, в стенах его театра. Уже не было в живых даровитейшего Коклена Старшего, но были живы традиции его и его блестящих предшественников. Это был истинно реалистический театр, и пра актеров в комедии Мольера была психологически тонкой, жизненной. — все это любил в этом театре и высоко ценил Станиславский.

Недаром последней, к сожалению, не оконченной, работой великого режиссера был спектакль «Тартюф» в Художественном театре.

И поэтому естественно волнение автора этих строк в тот вечер, когда в Москве, в стенах Малого театра раздвинулся занавес и прозвучала первая реплика госпожи Пернель.

С этой минуты зрители были во власти искусства диалога — легкого, стремительного и в то же время сохраняющего всю глубину философской мысли и обличительную силу комедии. Блеск и изящество речи актеров, их мастерство пленяют зрителей, потому что манера исполнения изящна, проста, логически осмыслена, а главное, правдива и жизненна. Эти певучие интонации и темперамент свойственны французскому народу в его живой речи. Именно так спорят, шутят, сердятся люди Франции дома, на улицах, в кафе — это сама жизнь, перенесенная на подмостки театра.

Увлекается и самый ритм спектакля, быстрый обмен репликами, напоминающий бой на рапирах, при этом не пропадает ни одно слово, — так отточена, так выразительна дикация актеров.

Теперь об образах комедии, о своеобразной трактовке наиболее важных персонажей.

В свое время некоторые исполнители роли Тартюфа изображали его только слащавым пройдохой, вельречивым ханжой. Жан Ионель создал образ «злого животного», как говорит о подобных Тартюфу людях Оргон. Сентенции Тартюфа артист произносит тоном одержимого аббата-проповедника. Самая внешность Тартюфа в исполнении Жана Ионеля напоминает облик католических монахов в офортах Гойи. В сцене соблазна Эльмиры — это потравивший голову сладострастник, — страсть делает его наглым, решительным, он идет на риск, — фигура скорее мрачная, чем комическая; такими и были члены «общества святых даров», — и в этом глубокое значение исполнения роли Тартюфа Жаном Ионелем.

Оргона играет Луи Сенье, — это живой, правдивый образ упряма, всныживающего, как порох, и когда он неправ, и когда прав, например, в сцене изобличения Тартюфа. Оргон в меру забавен, комичен, есть даже трагикомические ноты в его интонации, когда он попадает в беду из-за своего упрямства; это характер, свойственный буржуа.

Приятной неожиданностью был и образ Дорины, которую иногда играли только веселой субреткой, девицей с изысканными ужимками. Дорина, горничная Марианны, — дочь народа, прямая, смелая и острая на язык, разумная, как сам народ, именно такой ее сыграла Беатрис Бретти, с первого появления завоевавшая симпатии зрительного зала. Блистательно была разыграна сцена с Оргоном, когда Дорина старается зажечь дух протеста в Марианне, которую Оргон решил выдать замуж за Тартюфа. И как тепло, трогательно Дорина старается примирить поссорившихся влюбленных.

Марианну с большой искренностью и свежестью играет Мишелли Буда, а Валера — пылко, с молодой горячностью Жан-Луи Жемма. Мать Оргона, госпожу Пернель, играла Верт Бови; это богомольная старушка, вздорная и такая же упрямая, как ее сын Оргон. В последнем акте отлично была разыграна сцена между матерью и сыном, когда прозревшего Оргона выводит из себя госпожа Пернель, защищающая разоблаченного негодяя Тартюфа.

Анни Дюко играла жену Оргона Эльмиру. Это нелегкая роль: добродетельная женщина должна изобразить легкомысленную даму, склонную завести интрижку с отвратительным Тартюфом. Обман Тартюфа был разыгран артисткой со всем кокетством дамы, которая хочет увлечь поклонника так, чтобы Тартюф не заподозрил ловушки.

Трудную для актера, резонерскую по существу, роль шурина Оргона — Клеанта играл Анри Роллан. Он сумел сыграть эту роль с темпераментом, зритель верил искреннему негодованию Клеанта в замечательном диалоге с Тартюфом. Веселый, привлекательный Дамис, сын Оргона, нашел прекрасного исполнителя — Андре Фалькон. Эпизодическая роль судебного пристава Лойяля с его холодной жестокостью и мнимой деликатностью раскрылась в игре Жана Мейера. Добрый геней в виле королевского посланца, офицера, появляется в финале комедии, и эту небольшую роль корректно сыграл Луи Эймон.

Волнующим эпилогом спектакля прозвучало «Слово к Мольеру», которое произнесло Жан Ионель, Жан Мейер и Беатрис Бретти.

Московские зрители приняли французских актеров не только с обычным для нашего народа гостеприимством, — они по достоинству оценили талант исполнительцев, самую постановку, выдержанную в стиле эпохи. Главное — слово Мольера, мысль великого сына Франции, его сатирический гений, — все это дошло до нашего зрителя и пленило его.

Сокровища народного гения всегда находят ценителей и почитателей за рубежами той страны, где они созданы. Люди, говорящие на разных языках, люди разных наций взаимно почитают высокую культуру истинного искусства. Нет сомнения в том, что спектакли в Москве и Ленинграде старейшего театра Франции и выступления наших музыкантов, певцов, артистов балета, а потом и драматических артистов во Франции еще более сблизят советский народ с народом Франции.

Л. НИКУЛИН.